

Андрей Посняков

ДОВМОНТ

КНЯЗЬ-МЕЧ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-445
П62

Серия «Историческая фантастика»

Выпуск 3

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П62 **Посняков, Андрей Анатольевич**

Довмонт: Князь-меч: роман / Андрей Посняков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. (Историческая фантастика).

ISBN 978-5-17-106939-1

Могучий ветер войны несет на полчища немецких и датских рыцарей суровую дружину Довмонта — псковского князя, бывшего литовского вождя-кунигаса... и бывшего нашего современника, Игоря Ранчиса.

Ливонцы нарушили клятву, но коварный враг повержен, и вот уже вся Довмонтова рать огнем и мечом проносится по балтийскому побережью, сея ужас и смерть.

Однако безмятежно наслаждаться успехами не получилось. На выгонах и в лесах один за другим находят истерзанные трупы — результаты кровавых убийств, а еще нужно вычислить ливонского шпиона в самых высших кругах!

Ко всему прочему добавилась угроза из будущего, и теперь в опасности жизнь Довмонта... и Игоря.

Найти надо всех: и неведомых убийц, и шпиона... и того, кто пробрался в будущее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106939-1

© Андрей Посняков, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ГЛАВА 1

Ночь кончалась. Не сказать, что уже наступило утро, но все же расплзалась, таяла на глазах зыбкая темень, исходила туманом на плесе, готовилась выпасть на лугах бурной прозрачной росой — предвестницей жаркого летнего дня. Тишина стояла мертвая, лишь слышно было, как поскрипывали уключины, да еще где-то далеко в лесу уныло куковала кукушка.

Широкий плоскодонный баркас неспешно плыл по течению реки Великой, и уже совсем скоро должен был показаться Псков, богатый торговый город, вольготно раскинувшийся меж двух рек. По бортам баркаса висели щиты с гербами немецких городов — Любека, Штеттина, Риги. Со стороны это показалось бы странным (если б случилось кому смотреть) — заморский торговый гость зачем-то плыл в одиночестве — искал свою погибель? Мало ли водилось в здешних местах лихих разбойничьих шаек? Завидят лиходеи одинокий корабль, засвистят, ринутся на многочисленных лодках, обложат судно, как волки оленя! Тогда не помогут купцу ни воины в кольчугах и крепких кирасах, ни мольбы о пощаде, ни даже молитвы. Зачем же тогда такой риск? Наверно, на то имелись причины. Не зря, ох не зря, пробирался одинокий «немец» в тихой ночи, таясь от любопытных взглядов. Недаром поотстал баркас от большого торгового каравана, крался по-тихому, а шкипер с горбатым носом, кутаясь в плащ, шарил

цепким взглядом по правому берегу реки. Что-то высматривал? Или кого-то? Но что можно было сейчас разглядеть-увидеть? Разве что костер.

И вправду — за излучиною, на плесе, замигала вдруг тусклая желтая звездочка, такая, что не вступишься — не заметишь. Потянуло дымком...

— Костер, господин, — доложили гребцы.

Шкипер усмехнулся, погладил бритый подбородок.

— Вижу. Думаю, это они и есть. К берегу!

Погрузившись в воду, застыли, затабанили весла по правому борту, левые же совершили мощный гребок. Баркас резко повернул к плесу.

Лето нынче выдалось удачным. Хватало всего — и жары, и дождика, правда, старики жаловались, будто «погода бесится». Правда и есть — еще вчера ярко светило-жарило солнышко, а сегодня — оп! — и похолодало резко, и задождило, ровно как осенью, где-нибудь в октябре. А назавтра, глядишь, и снова зной, такой, что хоть сбрасывай с себя одежду да сиди день-деньской в реке — в Великой или в Пскове. Лучше — в Великой, та пошире, попрохладнее.

Вот так же нынче и сидели на реке отроцы-ребята. Микитка Овруч, Колька Шмыгай Нос да братья Еремеевы — Кабан с Лосем. Батюшка их, Еремей Волчий Хвост, охотником считался знатным, сам Довмонт-князь, когда охоты устраивал, обязательно про Еремея вспоминал. Да и так, без охоты — жаловал, чем братовья не уставали хвастать.

Самый старший из всей компании — Микитка Овруч. Пятнадцатое лето шло парню, уже взрослый совсем, отцу-гончару — подмастерье, помощник. Широкоплечий, плотный, и в руках сила есть, вот только лицо — в оспинках, рябое, ну да с лица воду не пить.

Кабан да Лось, Еремеевы братцы — оба на одно лицо. Головы круглые, волосы белобрысые, картошкой носы. Только старший — Кабан — малость повыше, зато Лось, годом брата младше, пошире в плечах.

Колька Шмыгай Нос — хилый, болезненный, потому так и прозван. На два годка Микитки моложе, а по виду — так и на все четыре! Маленький, тонкорукий, на живом тонком личике — одни сияющие глаза. Большие, синие, как у святых на ролейских иконах. Ресницы длинные, как у девицы, да и сам Колька, как красна девица, вечно смущался, краснел. Худобы, слабосильности своей стеснялся, а еще — ушей. Вот у всех уши как уши — плотно прилегли к голове, у него же — торчат, словно у кувшина ручки. Правда, русые волосы — длинные, густые, вот и не видно ушей. Да ладно с ушами, песто бы и с ними, хуже другое — не было у Кольки счастья, не сложилась жизнь, хоть даже и толком-то еще не началась. Сирота, рос на Застенье, у тетки, Мордухи-вдовы. У Мордухи — целая усадьба; коровы, гуси, утки. Работы хватало, держала тетка и закупов и холопов-рабов. Вот и Шмыгай Нос — тоже как раб, хоть и родственник. С парнями же — с Микиткой да Еремеевыми-братовьями, сызмальства на Застенье. Застенье — так псковский посад называли, потому что — за стенами Крома-кремля. Там еще одну стену возводили — могучую — по приказу Домонта-князя.

— Кольша, дровишек бы в костерок-то подбросил! — Микитка Овруч повернул голову и ухмыльнулся. — Эй, Кольша! Ты спишь, что ли, там?

Подобрав с земли сучок, Микитка швырнул его в отрока, угодил в плечо. Шмыгай Нос тут же встрепенулся, сверкнул глазищами:

— А? Что?

Еремеевы грохнули смехом. Не очень-то громко — лес да река шума лишнего не любили, особли-

во ночью. Впрочем, ночью уже утром высвечивалась, небо уже было не темным, а серовато-синим, и луна со звездами не золотом отливали — серебром.

— За дровишками, говорю, сходи.

— За дровишками? Ага... сейчас... мигом.

Подскочив, Колька рванулся в заросли, затрепал хворостом... Его сотоварищи пока разбирали снасти: сети, уды с длинными — конского волоса — лесками. На вечерней зорьке клев нынче что-то не шел, всего-то и поймали два небольших осетра, остальное все — сорная рыба: лещ, подлещики, щуки, налим. Окуней не брали — выбрасывали, костлявые больно. Не клевало, вот и решили парни остаться на утро — вот как раз сейчас и пора бы уже собираться: сети проверить, удочки побросать. Пора, да — вот-вот и рассвет.

— Чу! Ладья чья-то, — приподнявшись, указал пальцем востроглазый Лось.

Овруч не поверил:

— Да ну! Показалось. Просто, верно, топляк. Ну, какая ладья посеичас, ночью?

— А ты глянь!

Костер уже не горел, а так, таял, сверкал углями. Поднявшись на ноги, Микитка раздвинул ветки дивной плакучей ивы, прищурился... Точно — ладья!

— Ушкой небольшой... Верно, немецкий.

— А почему немецкий, Микита?

— По бортам — щиты, видите, какие?

Не русские были щиты. Треугольные, верно, с затейливыми картинками — гербами, хотя сейчас все равно ничего не разглядеть — темно, да и далеко-вато малость.

— И чего немца сюда понесло?

— От каравана, верно, отбился да заплутал. Ишь, как плавно идет. Еле тащится!

— Небось, мелей боится.

— А вот и я!

Вынырнувший из зарослей Колька Шмыгай Нос ухнул в догорающий костерок хворост. Сразу же занялось, вспыхнуло яркое желтое пламя, рванулось языками едва ль не до неба!

— Вот ведь скаженный! — дав Кольше «леща», беззлобно выругался Овруч.

Шмыгай Нос обиделся, заканючил:

— Ты ж сам сказал — дрова...

— Тебе волю дай — весь лес пожжешь! — негромко рассмеялся Микита. — Помаленьку кидай, помаленьку.

— О! А ладья-то!

Еремеев Кабан махнул рукою, а братец его добавил:

— Эко как попер! Видать, к нам на костер, да.

В самом деле, после яркой вспышки огня баркас вдруг увеличил скорость, пошел напористо, бесстрашно — словно точно знал, куда.

— Немцев нам еще не хватало, — одернув холщовую рубаху, опасливо буркнул Овруч.

Пробурчал и сразу наткнулся на возражения.

— Так это ж славно — купцы! — наперебой закричали братьовья. — Гости торговые! Сейчас у них разживемся чем-нибудь. Ухой угостим!

— Ага! Где ваша рыба-то?

— Гости — славно! — Колька потер руки, уж ему-то, по малолетству и малахольности своей, от торговых гостей завсегда чего-нибудь перепадало. То пряник медовый, то пирог, то обломок желтенького стеклянного браслетика, а как-то раз — мелкая серебряная монетка, немецкий пфенниг. Пфенниг тот Колька на усадьбе, в дальнем углу зарыл, под навозной кучей — и место то приметил. А тетке не сказал, ну ее! Отберет, не моргнет глазом. Еще и выпороть прикажет. Очень уж Шмыгай Нос не любил, когда его пороли — больно, да обидно — ужас как.

Немецкая ладья шла четко на костер, уже можно было разглядеть и гребцов, и гербы, и стоявшего на носу высокого человека в длинном плаще. Истинный немец! Патлы — до плеч, нос — как у хищной птицы.

В это же самое время, совсем недалеко от ребят, из узкой лодочки выбрались на берег двое. Один — судя по виду — господин, другой — слуга. Господин, статный, с открытым светлым лицом — богатый купец или даже боярин — в мягких кожаных сапогах без каблука, в летней верхней тунике — свите — добротного лазоревого сукна с аксамитовыми клиньями-вставками по подолу. На голове — круглая шапка, отороченная беличьим мехом, свита же наборным пояском подпоясана. Необычный пояс — «татарский», на серебряных бляшках — затейливая арабская вязь. Во всем Пскове мало у кого такой поясок сыщется.

Слуга же выглядел, как слуга. С неприметным лицом и пегой бородою, небольшого роста, плечистый, жилистый и, видимо, очень сильный. Одет просто — кожаные поршни с онучами, длинная холщовая рубаха, порты. На поясе — нож длинный, а у господина — кинжал.

Пройдя камышами, оба выбрались на берег, господин приказал слуге тотчас разжечь костер.

— Да поторапливайся. Как бы мы не опоздали!

— Не опоздаем, господине, — криво ухмыльнулся слуга. — А они, ежели что — подождут. Утром, по солнышку, как раз и выйдут к пристани. Никто и не подумает ничего.

— Давай, давай, разжигай, — господин нервно дернул шеей.

Слуга исчез в кустах, захрустел хворостом... и вдруг выбрался обратно, без дров, но с крайне озабоченным видом:

— Кто-то уже разложил костер! Здесь, невдалеке... рядом. Верно, рыбаки... Опасно это... да-а...

— Рыбаки? Этого еще не хватало! — раздраженно сплюнул хозяин. — Откуда они здесь взялись? Обычно ведь куда ближе к городу ловят. Ладно... пойди, посмотри... Хотя нет. Вместе пойдём. Глянем.

Брошенный в костер хвост быстро догорал, и Микитка опять послал Кольшу за дровишками. Шмыгай Нос повиновался с явной неохотой, уж больно хотелось посмотреть на купцов и, пользуясь случаем, что-нибудь выпросить. Однако, если поторопиться, то еще можно успеть... Да и вообще — если уж причалят, так сразу-то не отвалят. Однако же могут и не причалить. Просто подойдут поближе да спросят путь. Ну, чтоб на мели не напороться. Так бывает, отобьются от каравана — и на тебе. Тогда могут и ребят попросить провести ладейку. Почему бы и нет? Дадут по пфеннигу... Славно! Тот пфенниг, что под навозной кучей, и этот — уже два пфеннига. А два — это не один...

Пока погруженный в сладостные предчувствия Кольша шарился по кустам, его сотоварищи с любопытством глазели на приближающуюся ладью. Даже приветливо помахали руками. Крючконосый в ответ кивнул, улыбнулся... что-то сказал гребцам. Судно замедлило ход, осторожно поворачиваясь к берегу бортом.

В этот момент позади отроков послышались чьи-то легкие шаги. Верно, Колька принес дрова... что-то быстро...

Микитка обернулся...

— Ой! Господине...

— Господине!!! — братьевья крикнули хором, видать... узнали. — А мы тут — рыбу. И вот — ладья.

— Рыба — это хорошо. И много вы тут поймали?

Господин — по виду, боярин! — переглянулся со своим слугой. Взгляд этот почему-то очень не понравился Микитке... Слишком уж быстрый, жесткий, звериный... словно все уж давно решено, осталось лишь сделать.

И сделали!

Лось Еремеев нагнулся, показать гостям рыбу...

Ловко вытащив кинжал, боярин ударил его в спину, прямо под сердце! В то же время приземистый угрюмый слуга воткнул острый клинок в грудь второму братцу, Кабану! Все это быстро, проворно — Овруч не успел моргнуть и глазом. А когда моргнул, кинулся было бежать... И словил нож в шею! Прямо на бегу! Что-то ударило, ожгло — словно «жикнула» гадюка. Потемнело в глазах, качнулось светло-синее небо, высокая трава поднялась в полный рост... и все померкло. Навсегда. Во веки веков.

Сделав пару шагов, слуга нагнулся и, вытащив нож, вытер его об одежду убитого, после чего обернулся к хозяину, посмотрел, словно преданный пес:

— Может, в реку их?

— Зачем? Чтоб всплыли на пристани? Пусть уж гниют здесь. Оттащи в лес да забросай ветками. А там — лисы, волки, медведь.

Пока слуга управлялся с убитыми, баркас встал рядом с берегом. Крючконосый шкипер спрыгнул прямо в воду, на отмель, принял с борта небольшой, но увесистый мешок. Притащил, улыбнулся:

— Вот обещанное серебро, уважаемый герр!

Сказав, не удержался, похвалил:

— Лихо вы их! Быстро и действенно. Но... стоило ли? Можно было к вам на усадьбу...

Боярин дернул шеей:

— Еще римляне говорили — и стены имеют уши. Я бы добавил: а улицы — глаза. В городе мы вряд ли смогли бы встретиться незаметно. К тому же я дове-

ряю отнюдь не всем своим слугам. Отнюдь не всем. Это — самое удобное место. И для меня, и для вас.

— Однако... — шкипер кивнул на утаскивающего трупы слугу.

— Что ж, — меланхолично скривил губы боярин. — Предусмотреть все нельзя. Но можно исправить.

— О, это очень верно, уважаемый герр! Недаром магистр так ценит вас. Очень-очень ценит!

* * *

Степан-тиун отправил часть своих людей на отмель и к омутку — пройтись с бродцом. Вдруг да отроки просто утонули? Такое вполне случиться могло, вот и в глазах самого князя эта версия выглядела самой вероятной. Ну, не в лесу же заплутали? Что им там делать, отрокам, явившимся на плес половить рыбки. Да, лодка не перевернута, стоит себе спокойно в камышах, неподалеку, на бережку — черная проплешина кострища, хворост, шалаш. В шалаше обувка — пара вполне добротных сапог, судя по размеру — на вполне взрослого парня. Рядом с кострищем, в траве — котелок и деревянная ложка.

— Ищите еще ложки, — подумав, велел высокий блондин лет тридцати с серо-стальным взглядом. Аккуратно подстриженные, но довольно длинные волосы до плеч, холеные усики, небольшая борода, тоже холеная, на левой щеке — родинка. Красавец, какие обычно нравятся девам, к тому же — красавец богатый и облеченный властью, о чем красноречиво свидетельствовала длинная рубаха синего немецкого сукна, нарядный наборный пояс с мечом и красный княжеский плащ — корзно, застегнутый на левом плече золотой фибулой. Меч был явно боевой, не парадный — в простых ножнах, с довольно большим перекрестьем и простой рукоятью, украшенной черненым серебром без излишней вычур-

ности. Такая уж была мода в те времена, пришедшая из крестовых походов, из Святой Земли, где создавались рыцарско-монашеские ордена, девиз которых — скромность и умеренность во всем — коснулся и оружия. Даже — княжеского, к слову сказать.

— Степан! — спускаясь к притулившейся у отдели ладейке, блондин властно позвал тиуна.

Тот подошел, поклонился — с виду обычный, ничем не примечательный мужичок, разве что с вычурной бородкой и статный, однако лицо вовсе неприметное, правда, слишком уж пристальный взгляд. Одет тиун был просто, но и добротнo — верхняя суконная рубаха, сапоги, желтая — колпаком — шапка.

— Да, княже?

И верно, блондин-то был — князь! Да не просто князь — а сам Довмонт Псковский, бывший литовский кунигас Даумантас, чья слава гремела уже от Немецкого моря, Ливонии и Литвы до Новгорода и дальше. Князь... Ну, а кому еще заниматься во Пскове судом и судебными расследованиями? Конечно же князю! Защищай, суди, расследуй. А управлять — на то вече имеется. И в Пскове, и в Новгороде Великом — так. Еще Новгород посадника своего во Псков присылал, поскольку считался «старшим братом». Многих псковичей сие тяготило... и князя, кстати, тоже.

— Поедем уже, — махнув рукой, Довмонт нахмурил брови. — Вечерню нынче сам Симеон-отче вести будет. Нехорошо опоздать.

Отец Симеон был духовником князя, человеком, не так и давно крестившим закоренелого язычника Даумантаса, нареченного ныне благочестивым христианским именем Тимофей. Впрочем, Тимофеем князя мало кто звал, все называли Довмонтом.

Припекало. Стекал по спине под рубахой липкий холодный пот. Выкупаться бы! Но... опять же — пора было поторапливаться. Пока еще доберешься до хо-

ром, называемых Довмонтовым градом, пока помолишься, освобождая сердце для отеческих наставлений пастыря — вот уже и время. Честно говоря, Довмонт уже пожалел, что лично выехал на место пропажи отроков. Хватило бы и тиуна. Хватило бы... коли б этот берег не принадлежал негласно той, что так пленила князя... и чьи зеленые очи так хотелось увидеть! Увы, не увидел... но...

Но так хотел, надеялся! Это со стороны кажется, что лес — пустой. Ой, нет! Поди, давно заметили уже и князя, и его людей те, кому надо. Заметили — доложили. Значит, скоро встреча... Ради этого, собственно, Довмонт и отправился на рядовое, в общем-то, проишествие. Еремей-ловчий, устроитель княжьих охот, третьего дня бухнулся в ноги тиуну: мол, детушки его пропали молодые. Отправились на реку, за рыбой — и ни слуху, ни духу. Куда именно пошли, охотник не знал, это уже Степан сам, по своим каналам, дознался. Имелись у тиуна глаза и уши в За-стенье, имелись.

— Господине! Там... там... — отвлекая князя от вдруг набежавших мыслей, выбежал из лесу молодой растрепанный парень в длинной суконной рубахе и остром, заломленном назад колпаке — один из людей тиуна.

— Да что ты блажишь-то? — спокойно промолвил Степан. — Докладывай по порядку, степенно — где и что?

— Там, в лесу, мертвые. Отроки. Трое. Ветками кто-то забросал.

— Ветками — так, может, медведь... — тиун искося глянул на князя.

Довмонт усмехнулся:

— Медведь — не медведь, что гадать? Пошли-ка лучше взглянем.